

К ВЫХОДУ ИЗБРАННЫХ СТАТЕЙ Н. СТРАХОВА *

До недавнего времени деятельность Н. Н. Стрхова — одного из видных представителей почвеннического направления в русской критике и публицистике 60—70-х годов — мало привлекала к себе внимание исследователей. Достаточно сказать, что в академической двухтомной «Истории русской критики» (1958) ей отводилось неполных три страницы в общем обзоре, а библиографический указатель «История русской литературы XIX века» (1962) зафиксировал всего две работы о Стрхове за послеоктябрьский период. И тому были свои причины, среди которых можно назвать в первую очередь воинствующий идеализм и «антинигилизм» Стрхова и то обстоятельство, что как литератор он оказался и долгое время оставался в тени более крупных и ярких фигур Ап. А. Григорьева и Ф. М. Достоевского.

Однако за последние годы положение изменилось. С расширением тематики исследований по истории отечественной критики и ростом внимания к славянофильскому, либерально-эстетическому, почвенническому и другим течениям в русской критике прошлого века, выступавшим одновременно с ее магистральным, революционно-демократическим направлением, интерес к полузабытой фигуре Стрхова заметно усилился. Вначале в той или иной связи с литературной деятельностью Достоевского и Ап. Григорьева (работы В. Я. Кирпотина, В. С. Нечаевой и др.), а затем и в специальных исследованиях и статьях У. А. Гуральника и Н. Н. Скатова¹ Стрхов-критик стал объектом историко-литературного освещения и оценки. Появилась — как симптом и выражение этого растущего научного интереса — первая полная «Библиография печатных трудов Н. Н. Стрхова», составленная А. Л. Будиловской и Б. Ф. Егоровым.² Наконец

появились и сами труды — первое советское издание.

Выход большого тома избранных литературно-критических работ Стрхова подводит под изучение наследия сложного и талантливого критика «материальное» основание, отвечает назревшей общественной и научной потребности и интересам широкого круга читателей, тех многочисленных «любителей российской словесности», которым в первую очередь и адресовано это издание. В какой мере рецензируемый сборник удовлетворяет эти потребности и интересы?

Перед составителем Н. Н. Скатовым стояла непростая задача: отобрать из большого и многообразного литературного наследия критика то лучшее, что имеет наибольшую историко-литературную ценность и вместе с тем сохраняет «остающуюся стоимость» для современного читателя. Включенные в том критические тексты в целом отвечают этому двудельному критерию. В пределах заданного объема в нем есть все основное и лишнего нет. Материалы сборника позволяют составить представление и об историко-литературных идеях Стрхова, и о некоторых особенностях его критического метода, и об оценках, которые он давал творчеству современных писателей. Центральное место в томе заняли наиболее значительные литературно-критические работы Стрхова, посвященные вершинам произведений русского классического реализма — романам «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и «Война и мир» Л. Н. Толстого. Читатель может получить и некоторое понятие об основных этапах критической деятельности Стрхова, первый из которых связан с журналами «Время» и «Эпоха», следующий приходится на вторую половину 60-х — начало 70-х годов (когда критик печатался в разных изданиях, а в течение 1869—1871 годов вел критический отдел в журнале «Заря»), а третий завершился в 80-е годы.

Впрочем, хронологический принцип не единственный, определяющий структуру тома: так, сборник открывается работой «Бедность нашей литературы» (1868), в известном смысле программной для критики и служащей своего рода историко-литературным введением в книгу; прямым продолжением этой работы являются по своему содержанию заметки о Пушкине (написаны в основном в 70-е годы) — и в данном случае составитель вполне правомерно помещает их почти сразу за «Бедностью...» (хотя уже менее понятно, зачем нужно было «передивать» эти две работы, органически связанные пушкинской темой, статьями о ре-

* Стрхов Н. Н. Литературная критика / Вступ. ст., составл. Н. Н. Скатова; Примеч. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова. М.: Современник, 1984. 431 с. (Б-ка «Любителям российской словесности»).

¹ См.: Гуральник У. 1) Н. Н. Стрхов — литературный критик. — Вопросы литературы, 1972, № 7, с. 137—164; 2) Ап. Григорьев и Н. Н. Стрхов. — В кн.: Академические школы в русском литературоведении. М., 1975, с. 456—477; Скатов Н. Н. Критика Николая Стрхова и некоторые вопросы русской литературы XIX века. — Русская литература, 1982, № 2, с. 30—51.

² Учен. зап. Таргуск. ун-та, 1966, вып. 184, с. 9. Труды по рус. и слав. филологии, Литературоведение, с. 213—229.

мане Достоевского). Другие смещения хронологии в расположении статей произведены, на наш взгляд, без достаточных оснований. Прежде всего это относится к статье о романе Тургенева «Отцы и дети». По времени написания (1862) самая ранняя из помещенных в томе, она расположена не только после упомянутых двух работ, но и после статьи о романе «Преступление и наказание» (1867) — той статьи, где тургеневский роман называется в числе первых опытов разработки темы нигилизма, более глубоким развитием которой является в глазах критика роман Достоевского (с. 102). Возможно, составитель в этом случае стремился сохранить в «срединной» части сборника структуру книги Страхова «Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом», в основу которой было положено противопоставление этих двух писателей («Во многих отношениях Тургенев и Толстой противоположны друг другу. Одного можно назвать западником, другого славянофилом»³ и т. д.). Но то, что было важным для Страхова, не всегда важно для современного читателя, а вот некоторые потери от указанного нарушения хронологии есть. Дело в том, что статья о тургеневском романе относится к периоду сотрудничества Страхова в журнале «Время, когда он идейно и — если так можно выразиться — методологически был наиболее близок к Ап. Григорьеву и Достоевскому. Это сказалось как на понимании и оценке романа (страховское представление о романе, «по-видимому, было общим для деятелей „Времени“», — справедливо замечено во вступительной статье, с. 23), так и на критическом методе Страхова, который отличается здесь относительной объективностью подхода к разбираемому произведению. Для позднего Страхова (и это отчетливо видно, скажем, в статьях о «Войне и мире») такая широта и непредвзятость не характерны, его критерии приобретают жесткую нормативность, и вот этот-то момент эволюции его критического метода скрадывается при том местоположении статьи о романе Тургенева, которое предложено в сборнике. Без этого остается не совсем понятным и то, почему «позднее Страхов иначе, то есть гораздо более отрицательно, оценивал и тип „нигилиста“ как общественное явление, и литературу, его запечатлевшую, в частности, роман „Отцы и дети“» (с. 27).

Предисланный критическим текстам вступительная статья Н. Н. Скатова — ярко написанный и содержательный очерк жизни, мировоззрения и литературной деятельности Страхова. В небольшую литературу о критике она вно-

сит немало нового и свежего, обогащая наши представления о литературно-критической позиции Страхова и его месте в истории русской критики XIX века, о его личности и взаимоотношениях с замечательными современниками. Превосходны страницы, посвященные диалогу, сложному и напряженному, иной раз драматическому, Страхова — человека и мыслителя с Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Автор прав, давая нам понять, что сама возможность такого диалога характеризует масштаб личности Страхова.

В статье отмечены критические заслуги Страхова в освещении русского классического реализма, тех его сторон, на которые недостаточно обращалось внимание в критике 60—70-х годов. Под этим углом зрения рассмотрены, в частности, пушкинские заметки Страхова, которые сами по себе, как справедливо замечает автор, содержали «не так уж много нового» по сравнению с Ап. Григорьевым и Белинским (с. 33), но приобрели особый вес на фоне недооценки творчества поэта в тогдашней критике, не исключая и демократическую, пафосом защиты и пропаганды «главного сокровища нашей литературы». В конкретном историческом контексте времени бесспорной заслугой Страхова была его серия статей о романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Об этом произведении критик сказал много верного и глубоко о первом или одним из первых: он ощутил масштаб «Войны и мира» как явления мировой литературы и связал роман с пушкинской традицией литературы русской, указал на универсальность его содержания, охарактеризовал некоторые из важнейших особенностей его жанровой природы («эпопея в современных формах искусства»), художественной структуры и реализма. К сказанному в статье о позитивных моментах страховской серии можно было бы добавить еще и то, что критик — опять же едва ли не первым и единственным из современников и за несколько лет до знаменитой статьи Н. К. Михайловского «Десница и шуйца Льва Толстого» (1875) — наметил правильное решение проблемы соотношения Толстого-художника и Толстого-мыслителя, проблемы, споры вокруг которой не будут прекращаться и в XX веке.

Автор вступительного очерка твердо и определенно говорит о почвенничестве копсерватизме Страхова, который сужал поле зрения критика, придавал его оценкам ряда литературных явлений односторонний и тенденциозный характер. Так, например, «на многое в самом Пушкине — вольно или невольно — Страхов закрывает глаза», в частности не замечает критического начала в «Истории села Горюхина» (с. 34—35). То же самое можно было бы сказать о разборе «Войны и мира»: Страхов по существу (и вполне сознательно) игнорировал критическое содержание романа, столь пора-

³ Страхов И. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862—1885). СПб., 1885, с. III.

жившее современников.⁴⁻⁵ Однако этой стороне дела в статье не уделено должного внимания и общее положение о страховском консерватизме мало что определяет в конкретном анализе его критического наследия. К сожалению, подобная неполнота анализа и оценка литературно-критических статей Страхова далеко не единична (так, автор солидаризируется — и без всяких оговорок — со страховской критикой «Потугина—Тургенева», с. 30 и ничего другого о тургеневском «Дыме» читатель в статье не найдет).

Судя по вступительной статье, Страхов относился к деятелям революционно-демократического лагеря объективно и чуть ли не доброжелательно. Он «воздал должное» новым людям из романа Чернышевского «Что делать?», его некролог о Добролюбе был «не только прочувствованным, но и во многом принципиальным и поучительным для дела понимания добролюбовских статей» (с. 26), им написано «много сильных и принципиальных страниц о Герцене» (с. 19). Даже с учетом того, что статьи «Счастливые люди» и «Н. А. Добролюбов» относятся к первому периоду критической деятельности Страхова (когда он сохранял относительную сдержанность в полемике с «теоретиками»), оценки эти мало согласуются с «пафосом» всей литературной деятельности критика, которая с первых шагов и до «Писем о нигилизме» (1881), вызвавших гневную отповедь Л. Н. Толстого, имела своим главным содержанием и направлением борьбу с «нигилизмом». Думается, что в данном случае автор недооценил «адвокатские приемы» Страхова, о полемическом искусстве которого Л. Н. Толстой говорил: «Вы не зубами рвете, а мягкими, сильными лапами». Во всех трех случаях внешняя «мягкость» и видимая, скорее словесная, чем действительная, объективность страховских суждений лишь маскирует суть дела, именно: стремление развенчать нравственную философию новых людей,⁶ оценку Добролюбова как «недорастающего и болезненного явления нашей жизни» и критику его как «теоретика», отвлеченная мысль которого оторвана от реальной жизни и который, будто бы легко и ясно разрешая

все вопросы, «отучал мыслить»;⁷ попытку использовать идейную биографию Герцена для доказательства истинности славянофильских начал («отчаявшийся западный превратился в нигилистического славянофила») ⁸ в соединении с фальсификацией идейного облика мыслителя-революционера («борьба с европейскими понятиями — вот главная задача и заслуга Герцена»,⁹ причем основное содержание этих понятий, по Страхову, — идеи социализма и революции: «борьба с революционными идеями, с религиозными понятиями и теориями — вот частная, специальная задача Герцена»¹⁰).

Доминантой у Страхова было именно это — развенчание, критика, тенденциозное искажение... И если он не особенно преуспел в походе против «нигилистов», то произошло это по независящим от него причинам. Та самая жизнь, от лица которой он обличал «теоретиков» и провозглашал свое «славянофильское победили» и «будущее за нами!», шла другим путем, отодвигая в сторону противников революционной демократии, в том числе и Страхова, оказавшегося на поверку почвенником без почвы.¹¹

⁷ Страхов Н. Н. Критические статьи (1861—1894). Киев, 1902, т. 2, с. 280, 294—295, 302. В статье обещано рассмотреть впоследствии «философские, эстетические и политические мнения Добролюбова» (с. 305). Обещанного разбора Страхов в то время не дал, но последующие его суждения не оставляют никаких сомнений: и те, и другие, и третьи он собирался опровергнуть и отвергнуть. См., например, во второй статье о Л. Н. Толстом: в «Темном царстве» «был совершенно искажен характер деятельности писателя» «и вся критическая деятельность Добролюбова была подобным же перетолкованием смысла художественных произведений в пользу своей теории» и т. п. (Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом, с. 302).

⁸ Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., кн. 2, 1882, с. 137.

⁹ Там же, с. 126.

¹⁰ Там же, с. 127.

¹¹ Показательным в этом смысле документом является письмо Страхова к Л. Н. Толстому от 25 мая 1881 года: «Петербургский люд с его складом ума и сердца и семинарский дух, подаривший нам Чернышевского, Антоновича, Добролюбова, Благовестлова, Елисеева и пр. — главных проповедников нигилизма — все это я близко знаю, видел их развитие, следил за литературным движением, сам пускался на эту арену и пр. Тридцать шесть лет я ищу в этих людях, в этом обществе, в этом движении мысли и литературы — ищу настоящей мысли, на-

⁴⁻⁵ См. об этом: Громов Павел. О стиле Льва Толстого: «Диалектика души» в «Войне и мире». Л., 1977, с. 3—8.

⁶ См.: Страхов Н. Из истории литературного нигилизма. 1861—1865. СПб., 1890, с. 338—342. Следует учесть, что это было лишь начало: «второй и последней статьи, в которой предполагалось анализировать радости фаланстера, вовсе не было написано» (с. 342) и, надо полагать, совсем не из-за беспристрастного отношения к идеям романа «Что делать?».

Однако и приуменьшать старание и «заслуги» Страхова в борьбе с «нигилизмом» и «нигилистами» не стоит — сам он был на этот счет другого мнения.

В статье Н. Н. Скатова критик характеризуется как ученик и последователь Ап. Григорьева (с. 9, 23). Несмотря на свою традиционность, положение это нуждается в коррективах, ибо не совсем точно определяет соотношение литературной критики Страхова и «органической критики» Григорьева. Даже из материалов тома явствует, что принципы критической методологии Ап. Григорьева Страхов понимал упрощенно (см. с. 302—303) и что он в отличие от своего учителя руководствовался в критической практике не столько критерием «органичности» общественных и литературных явлений, сколько мерой их соответствия или несоответствия почвеннической норме: достаточно сравнить то, что писал Страхов о Некрасове (см. с. 31—32 — а ведь это опять же самое «мягкое»), с григорьевской — при всех оговорках — оценкой Некрасова как «человка с народным сердцем», поэзия которого органически связана с народной жизнью.¹² Особый характер «ученичества» Страхова рельефно вырисовывается там, где он, казалось бы, наиболее близок к «неистовому Аполлонову», а именно — в сужде-

стоящего чувства, настоящего дела — и не нахожу, и мое отвращение все усиливается, и меня берет скорбь и ужас, когда вижу, что в эти тридцать шесть лет только это растет, только это и действует, только это может надеяться на будущность, а все другое гложет и чахнет» (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914, с. 276).

¹² Григорьев Аполлон. Литературная критика. М., 1967, с. 461, 488. Ср. с этим общий взгляд Страхова на поэта: «Что же касается до г. Некрасова, то о нем давно известно, что он отдал свою музу в крепостное рабство известным идеям и направлениям» (Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом, с. 386).

ниях о Пушкине и Толстом. И в том и в другом случае Страхов не только упрощает, но и искажает самое содержание мысли Ап. Григорьева, вытравляет из нее элементы критики и протеста, на что уже указывалось в специальной литературе.¹³ Все эти отступления Страхова от принципов и взглядов Ап. Григорьева довольно однозначно выявляют в конечном счете различие между почвенническим консерватизмом и антинигилистической заданностью критериев и оценок одного и стихийным, хотя и нерволюционным демократизмом и критической методологией, которая обязывала к объективности при оценке даже чуждых в чем-то явлений, — другого.

Не нужно, конечно, отводить Страхову и роль своего рода козла отпущения за общие грехи почвенников, но определять по возможности точно его место в их кругу, его позицию в общественно-литературной борьбе необходимо, на наш взгляд, даже в исследовании научно-популярного жанра (может быть, в нем — особенно).

Нет сомнения, что издание большого и хорошо подобранного тома литературно-критических статей Страхова (заслуживающее, несмотря на отдельные недостатки и шероховатости, положительной оценки) будет серьезным подспорьем в решении этого и многих других, пока еще дискуссионных вопросов, связанных с деятельностью даровитого и противоречивого критика.

¹³ См.: Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина: Очерки. М., 1974, с. 132—139; Громов Павел. Указ. соч., с. 457—467. По-путно отметим одну неточность во вступительной статье: на с. 6 приводится как принадлежащая Страхову мысль о Пушкине, которая на самом деле является страховским изложением мысли Ап. Григорьева. Перед приведенным местом Страхов пишет: «В крупных чертах взгляд этот (т. е. взгляд Ап. Григорьева, — Н. Г.) будет такой...» — и далее следует его изложение. См.: Страхов Н. Н. Критические статьи, т. 2, с. 356.

Л. Г. Чуднова

Н. С. ЛЕСКОВ О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ *

«Я не занимаюсь критикою», — писал Лесков в своей превосходной полемической статье «О куфельном мужике и проч.»¹ Подобные заявления встречаются

* Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Изд. ЛГУ, 1984. 285 с.

¹ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11-ти т. М., 1958, т. 11, с. 135.

ся у него неоднократно. Но было бы верным наивности принимать эту формулу писательской скромности за действительность. Буквально с первых же шагов на литературном поприще и до последних дней жизни Лесков выступал с литературно-критическими статьями, рецензиями, заметками, обозрениями. Будучи человеком исключительно живого темпе-